

Любовь Георгиевна ЧапаеваМосковский педагогический государственный университет, Москва, Россия, lg4@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4985-1415>**Славянофил и западник: два типа русского интеллигента (лингвистический аспект)**

АННОТАЦИЯ. Описываемые в статье понятия «интеллигенция», «интеллигент» с одной стороны и «славянофильство (славянофил)», «западничество (западник)» — с другой, являются идеологемами в составе общественно-политической лексики; при их взаимодействии возникают сложные концептуальные и семантические единства. «Интеллигенция» по внутренней форме заимствованного из латинского языка слова означает 'высшую степень сознания, самосознание', и первыми выразителями самосознания русской нации были славянофилы и западники. Слово «интеллигенция» впервые зафиксировано в 1836 г. в значении 'дворянское, европейски образованное общество'. К этому обществу относилась и большая часть славянофилов и западников, людей образованных и критически мыслящих. Несмотря на отсутствие прямых совпадений в дефинициях слов «интеллигенция», «славянофил», «западник», становится очевидной их связь как идеологических понятий, а «славянофил» и «западник» оказываются в семантическом поле концепта «интеллигенция» как антонимическая пара. Отношение к интеллигенции, как и к ее отдельным группам, в России всегда оказывается эмоционально маркированным, о чем свидетельствует и трансформация значений у лексем «интеллигенция», «западник», «славянофил» от нейтрального или положительного к негативному и пренебрежительному. В современном обществе оппозиция славянофильских и западнических взглядов сохраняется, отражая исторический дуализм русской культуры, проявлявшийся на всех исторических этапах ее развития.

Научный интерес представляет не только проблема семантической трансформации понятий «славянофил», «западник», «интеллигент», «интеллигенция» в их взаимосвязи, но и их использование как неких символов с противоположной коннотацией у одного и того же слова в зависимости от тех или иных идеологических установок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологемы, славянофильство, славянофилы, западничество, западники, интеллигенция, интеллигент, концепты, концептосфера, коннотативная семантика, культурно-специфичная лексика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чапаева Любовь Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Института филологии, Московский педагогический государственный университет; 119991, Россия, Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; e-mail: lg4@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чапаева, Л. Г. Славянофил и западник: два типа русского интеллигента (лингвистический аспект) / Л. Г. Чапаева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 115-121.

Lyubov' G. Chapaeva Moscow state pedagogical university, Moscow, Russia, lg4@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4985-1415>**Slavophile and Westernizer: Two Types of the Russian Intelligentsia (Linguistic Aspect)**

ABSTRACT. The concepts of “intelligentsia” and “intellectual”, on the one hand, and “Slavophilia (Slavophile)” and “Westernization (Westernizer)”, on the other hand, described in the article, are ideologemes in the socio-political vocabulary. When they interact, there emerge complex conceptual and semantic unities. By its inner form, the word “intelligentsia” borrowed from Latin, means “the highest degree of consciousness, self-consciousness”, and the first spokesmen for the self-consciousness of the Russian nation were Slavophiles and Westernizers. The word intelligentsia was first recorded in Russian dictionaries in 1836 in the meaning of “noble, European-educated society”. This society also included most of the Slavophiles and Westernizers – educated and critically minded people. Despite the absence of direct coincidences in the definitions of the words “intelligentsia, Slavophil, Westernizer”, their connection as ideological concepts becomes obvious, and “Slavophile and Westernizer” find themselves in the semantic field of the concept of “intelligentsia” as an antonymous pair. The attitude towards the intelligentsia, as well as towards its individual groups, in Russia always turns out to be emotionally marked, as evidenced by the transformation of the meanings of the lexemes “intelligentsia, Westernizer, Slavophile” from neutral or positive to negative and dismissive. In modern society, the opposition between Slavophile and Westernizer views persists, reflecting the historical dualism of the Russian culture, which manifested itself at all historical stages of its development.

Of scientific interest is not only the problem of the semantic transformation of the concepts of “Slavophile, Westernizer, intellectual, intelligentsia” in their relationship, but also their use as certain symbols with opposite connotations of the same word, depending on certain ideological attitudes.

KEYWORDS: ideologisms, Slavophilia, Slavophiles, Westernization, Westernizers, intellectuals, intelligentsia, concepts, conceptosphere, connotative semantics, culturally specific vocabulary.

AUTHOR'S INFORMATION: *Chapaeva Lyubov' Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Chapaeva L. G. (2022). Slavophile and Westernizer: Two Types of the Russian Intelligentsia (Linguistic Aspect). In Political Linguistics. No 4 (94), pp. 115-121. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

История формирования концепта *интеллигенция* представлена, в частности, в фундаментальном исследовании Ю. С. Степанова [Степанов 1997], кроме того, о слове *интеллигенция* писал еще в 1964 г. В. В. Виноградов [см.: Виноградов 1994]; *русский интеллигент* как лингвокультурный типаж описан В. И. Карасиком [Карасик 2009]; современное политологическое толкование дано в словаре А. С. Ахиезера [Ахиезер 1998]; история слов и концептов *славянофил* (*славянофильство*) и *западник* (*западничество*) предложена в работах автора статьи [см.: Чапаева 2014; 2015; 2018]. Несмотря на отсутствие прямых совпадений в дефинициях слов *интеллигенция*, *славянофил*, *западник*, становится очевидной их связь как идеологических понятий, а славянофил и западник оказываются в семантическом поле концепта *интеллигенция* антонимической парой.

Научный интерес представляет не только проблема семантической трансформации понятий *славянофил*, *западник*, *интеллигент*, *интеллигенция* в их взаимосвязи, но и их использование как неких символов с противоположной коннотацией у одного и того же слова в зависимости от тех или иных идеологических установок.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Не вызывает сомнений, что корреляция языка и идеологии, во-первых, отличается тесной связью; во-вторых, отражает социальный характер взаимоотношений языка и культуры. Идеологическая дифференциация является результатом влияния идеологии на лексико-семантическую систему и сопровождается оценочностью. В частности, слова «западник», «славянофил», «западничество», «славянофильство» являются понятиями, наполненными сложными смыслами ментального, философского, культурного характера, они являются безусловными *идеологемами*. В привычном научном узусе речь идет об общественно-политической лексике, в состав которой входят оценочно маркированные идеологемы. Оказавшись в общем дискурсе, идеологемы и условно нейтральная общественно-политическая лексика взаимодействуют, создавая порой сложные концептуальные единства. На наш взгляд, подобное взаимодействие и семантическое единство образуют понятия *ин-*

теллигенция, *интеллигент* с одной стороны и *славянофильство* (*славянофил*), *западничество* (*западник*) — с другой.

Слово *интеллигенция* в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова объясняется следующим образом: «Социальная группа, состоящая из образованных людей, обладающий большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом» [БТС: 395]; *славянофильство*: «Одно из направлений общественной и философской мысли России в середине 19 в., выдвинувшее идею самобытного пути исторического развития России, отличного от пути развития западноевропейских стран» [БТС: 1206]; *западничество*: «Общественное течение в России в 40-50-х годах 19 в., представители которого, в отличие от славянофилов, выступали за западноевропейский путь развития России» [БТС: 336].

Судя по дефинициям в современных словарях, слова *интеллигенция* (*интеллигент*) с одной стороны и *славянофильство* (*славянофил* — 'сторонник направления'), *западничество* (*западник*) — с другой, пересечений в значениях не имеют, хотя очевидно, что вторая группа слов как относящаяся к идеологическому дискурсу должна входить в «рамку», или поле, концепта *интеллигенция*. Если обратиться к истории как самих лексем, так и смыслов, ими обозначаемых, корреляция окажется вполне очевидной и актуальной до настоящего времени.

Несмотря на то, что, по мнению Ю. С. Степанова, в русском языке и в русской культуре *интеллигенция* как лексема и концепт утверждается лишь в начале 60-х гг. XIX в., о более ранней его истории говорят сведения, опубликованные, в частности, в сборнике статей В. В. Виноградова «История слов» [Виноградов 1994]. Первоначальное значение заимствованного слова вытекает из его внутренней формы от лат. *intelligentsia* — 'высшая степень сознания, самосознание'. Именно о таком значении свидетельствует первая текстовая фиксация слова в дневнике В. А. Жуковского от 2 февраля 1836 г.: «В Петербурге, около Адмиралтейства, в балагане случился страшный пожар, погибло много народа, а „через три часа, — с возмущением продолжает Жуковский, — после этого общего бедствия, почти рядом <...> осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все

наполненные *лучшим петербургским дворянством*, тем, которое у нас представляет всю *русскую европейскую интеллигенцию* (выделено мной. — Л. Ч.); никому не пришло в голову (есть исключения), что случившееся несчастье есть общее» [Степанов 1997: 678]. Под «русской интеллигенцией» подразумевается «лучшее дворянство» того времени. Это еще не социологическое представление об интеллигенции как классе или прослойке людей, профессионально занимающихся умственным трудом, образованное высшее дворянское общество, скорее, социокультурная группа. Связь понятий *интеллигенция* и *дворянство* сохраняется и во второй половине XIX в. В. В. Виноградов приводит слова В. Храневича о Достоевском: «Нужно иметь в виду, что слова *интеллигенция, интеллигент, интеллигентный* еще не вошли тогда в обиход русской литературы (50—60-е гг. XIX в. — Л. Ч.), и поэтому Достоевский (в «Записках из Мертвого дома». — прим. В. В. Виноградова) по необходимости пользовался общеупотребительным, всем понятным словом *дворянин*, тем более что в то время слова *дворянин и человек образованный* были почти синонимы» [Виноградов 1994: 228]. Ср. также: «Не должно ли было или, лучше сказать, могло ли дворянское общество <...>, представлявшее собою лучшую русскую интеллигенцию, не показать Скарятину, что у него нет ничего общего ни с русским обществом, ни с русским дворянством» [НКРЯ. М. Е. Салтыков-Щедрин. Литераторы на обеде (1868)]; «Он знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга, и у него, как у ребенка в игрушечной лавке, разбегались глаза» [НКРЯ. Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867—1869)]; «И что всего важнее, все эти картины и рассказы живописуют именно высшее русское общество, в котором, по всем данным, должна была сосредоточиться наша интеллигенция» [НКРЯ. М. Е. Салтыков-Щедрин. Записки Е. А. Хвостовой. 1812—1841. Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова (1870)]. *Дворянство и интеллигенция* действительно оказываются синонимичны в культурно-этическом, нравственном смысле, что совпадает и с современным обыденным сознанием, если, например, слово *интеллигент* имеет положительную коннотацию (см. цитату из современного автора, которую приводит В. Карасик: «Дворянин, интеллигент, умнейший человек, горячо любящий свою многострадальную Родину» [Карасик 2009: 205]).

Именно «любовь к многострадальной Родине» вызвала к жизни те споры о судьбе России, которые получили название «споры

славянофилов и западников» в 40-х гг. XIX в. Это были узкие группы критических мыслящих, равнодушных людей, в основном дворян, но пополняющиеся представителями той прослойки, которую позднее назовут разночинцами. Они были носителями самосознания нации, русские интеллигенты, не имевшие еще такого названия, но выполнявшие те задачи, которые стоят перед интеллигенцией: осмысливать действительность, порождать социально и культурно значимые идеи, искать решения проблем, стоящих на пути развития общества и страны. Позднее, уже в 60-х гг., когда слово *интеллигенция* утвердилось в русском узусе, их и называют первыми интеллигентами. В. В. Виноградов цитирует высказывание о 40-х гг. XIX в. Б. Маркевича: «Но умственное движение <...> сказывалось уже весьма заметно в мыслящих центрах России, особенно в Москве, где духовная жизнь, благодаря <...> благотворному влиянию тогдашнего университета и той дворянской, образованной и независимой по средствам и духу среде, в которой слагалась тогда ее *интеллигенция*...» [Виноградов 1994: 228]. К. Д. Кавелин в воспоминаниях об А. П. Елагиной отмечал, что ее салон «был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно- и научно-образованного» [Кавелин 1989: 138]. Это было собрание «лучших умственных и культурных сил», это были «люди, проникнутые идеями правды и гуманности» [Кавелин 1989: 145]. Нравственные качества, «чистоту помыслов, гордую независимость духа» и у славянофилов, и у западников отмечал известный русский филолог XIX в. Ф. И. Буслаев [см.: Буслаев 2003: 291].

Надо сказать, в середине 30-х гг. будущие противники обладают скорее общими взглядами, идеями и устремлениями, общим увлечением, например, философией, их отличает обостренное чувство ответственности за русскую литературу и культуру в целом. К. С. Аксаков, в будущем один из убежденных славянофилов, имея в виду статью В. Г. Белинского 1834 г. «Литературные мечтания», писал: «Недавно читал я статью Белинского, где он высказал все мнения нашего юного поколения, которые я разделяю, и часто говорил прежде» [Аксаков 1995: 17]. Разногласия и категоричность в спорах проявилась позднее, в середине 40-х гг.

Дискуссия славянофилов и западников явилась новой ступенью в развитии русского мирозерцания и отразила раскол не только в русской философской мысли, в идеологии, но и раскол русского сознания в целом; каждое из направлений оказалось поддер-

жано определенными традициями, системой нравственных убеждений. То есть изначально *интеллигенция* в оппозиции славянофилов и западников отражала свою противоречивость и амбивалентность, что и заложено в русской культуре в целом.

При таком подходе оппозиция славянофилов и западников оказывается проявлением одного из устойчивых «архетипов» российского культурного самосознания, реализующегося в постоянном столкновении двух противоположных взглядов на развитие России: стремлении организовать жизнь на европейский лад и желании оградить традиционные формы национальной жизни от иностранного влияния.

Эта оппозиция должна рассматриваться не как одномоментное явление в истории русской культуры, а как частное проявление ее генетического свойства — дуализма, поскольку две линии в истории русской культуры XIX в. и сегодня живы.

Основные положения славянофильства можно кратко свести к следующим: положительная характеристика Древней Руси, которая представляется образцом частной жизни, быта, судопроизводства, отношений между людьми; неоднозначная оценка петровских преобразований, которые, по их мнению, «разорвали связь времен»; констатация противоречий между Востоком и Западом и провозглашение особого пути России, возникающего из борьбы двух враждующих начал; необходимость ориентации на восточное христианство, т. е. православие, в поисках путей будущего развития как одно из средств восстановления древних форм русской жизни. «Мы признавали первую, самую существенную нашу задачу — изучение себя в истории и в настоящем быте; и как мы находили себя и окружающих нас цивилизованных людей утратившими много свойств русского человека, то мы считали долгом изучать его преимущественно в допетровской его истории и в крестьянском быте. <...> В этом первобытном русском человеке (крестьянине. — Л. Ч.) мы искали, что именно соответствует русскому человеку, в чем он нуждается и что следует ему развивать», — писал один из славянофилов [Кочелев 1991: 90].

Основой философской концепции западничества была идея цивилизованной, просвещенной личности, умеющей отстаивать свое достоинство и разумно использовать общественную и личную свободу. Западники провозглашали приоритет сознательной личности, развивающейся и устремленной в будущее; для них важно было понимание развития как прогресса, а не вос-

становление прерванных связей; они высоко оценивали роль петровских преобразований в русской истории, которые ускорили этот прогресс, приблизили Россию к общему миру, который в тот момент, безусловно, представлял собой Западную Европу. Несмотря на то, что многие из них были верующими людьми, религия не была для них стержнем исторического развития, наоборот, они полагали, что ее место в жизни определено и ограничено частной жизнью (о спорах славянофилов и западников см. подробнее: [Чапаева 2014]).

Споры славянофилов и западников стали явлением культуры и получили отражение во всех ее сферах, а общие закономерности и противоречия развития русской культуры, заложенные в ней ранее, проявились в этом идейном противостоянии: «Во временных границах прошлого века противостояние славянофильства и западничества было оправдано всей связью составляющих специфической для этого века ситуации: с одной стороны — непосредственное наследование культурной, жизненной и попросту бытовой традиции, все в нерасторжимом единстве; с другой — всемирная широта идеи» [Аверинцев 1988: 22–23].

Одной из важных причин расхождения во взглядах двух направлений было отношение к народу и его роли в истории общества. Для интеллигенции и в истории, и в современности главной задачей провозглашается служение народу, и она «постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями — народопоклонничества и духовного аристократизма» [Степанов 1997: 681]. Стремление говорить от имени народа характерно и для славянофилов, и для западников. Но вот что любопытно: если для революционеров-демократов, вышедших из стана западников, было характерно именно поклонение народу, вера в его силы и возможности, для развития которых надо лишь его «образовать», то ранние западники относились к народу довольно скептически, а народопоклонниками, правда, с позиций аристократов, т. е. потечески, немного свысока, были скорее славянофилы: они идеализировали русский народ, полагая, что в нем сохраняется то национально своеобразное, исконное и русское, которое надо распространить на все общество. А. С. Ахиезер писал, что интеллигенцию «необходимо рассматривать через дуальные оппозиции „Духовная элита — Почва“, „Правящая элита — Почва“. Рассмотрение И. вне взаимопроникновения полюсов этих оппозиций не имеет смысла. В своих крайних формах И. сливается с этими полюсами оппозиции <...> или распада-

ется на группы, которые тяготеют к этим полюсам» [Ахиезер 1998: 205], что и отражает оппозиция славянофилов и западников.

Концепт *интеллигенция* приобретает социологический смысл в России 1860-х гг., когда появляется новая социально оформленная часть общества — прослойка образованных людей из разночинцев. Образование разночинной интеллигенции — во многом заслуга западников, выполнение ими так называемой социально-генеративной функции. Пробуждая в представителях широких демократических кругов критическое мышление и способствуя развитию индивидуального сознания, западники ускорили объективные общественные процессы формирования интеллигенции и демократизации российского общества. Разночинцы берут на себя функцию выражения общественного самосознания от имени и во имя народа. «Собственно, это и есть основное содержание концепта „Интеллигенция“, и, вопреки мнениям о будто бы необычайной запутанности его дальнейшей истории, мы полагаем, что она ясна и проста: концепт остается одним и тем же, как бы „рамкой“ для кадра, но он лишь как бы „примеривается“, а затем и передвигается с одной социальной группы на другую, в поисках ответа на вопрос: какая же социальная группа является субъектом самосознания нации? В „кадре“ оказываются разные социальные группы» [Степанов 1997: 672]. Остается лишь добавить, что в 30—50-е гг. XIX в. такой социальной группой была образованная часть дворянства в двух ипостасях — славянофилы и западники. Западничество и славянофильство в несколько преобразованном виде продолжают существовать и в начале XX в., и в современном российском обществе. «Западничество сходило на нет как утверждение нашей вторичности, однако продолжало жить как отрицание изоляционизма; славянофильство превращалось в неоспоримость как утверждение нашей самобытности, однако изживалось как утверждение наших превосходств. Это уже были не столько антагонистические идейные лагеря, сколько дополняющие друг друга подходы, которые все яснее создавали себя как выражение разных — но равно реальных, невыдуманных и даже взаимно необходимых — сторон „русской идеи“» [Степанов 1997: 651].

Это противопоставление пронизывает всю нашу жизнь, и сторонники происходивших в России начала XXI в. реформ подчас отождествляются с западниками, а их противники со славянофилами, но и те и другие образуют социальный кластер *интеллигенция*. Изменения в семантике именований

оппонентов демонстрируют не только генетическую связь современных западников и славянофилов с их историческими предшественниками, но и подтверждают актуальность их идей в современном обществе, правда, подчас предстающих в выхолощенном и упрощенном виде.

История лексемы *западник* — и в словарных дефинициях, и в узусе — демонстрирует, что на протяжении более полутора веков своего существования в русском языке она сохраняет первоначальное значение, постепенно становясь историзмом, и наполняется новыми смыслами, развивает многозначность и лексическую омонимию. «Опираясь на словари современного русского языка, можно вывести общую и повторяющуюся дефиницию *западника*: ‘сторонник западничества’, при этом *западничество* определяется только как ‘общественное течение в России в 40—50-х годах XIX в., сторонники которого выступали за развитие России по западноевропейскому пути’. Совершенно очевидно, что в данном значении слово является историзмом, несмотря на отсутствие словарной пометы. Актуальное для современности значение зафиксировано лишь в *Толковом словаре русского языка (Языковые изменения конца XX столетия)* под ред. Г. Н. Складчиковой с пометой *публ.* (публицистическое): ‘политик-реформатор, выступающий за сближение России с Западом и перестройкой экономики по западному образцу’» [Чапаева 2018: 481—482].

Что касается слов *славянофил* и *славянофильство*, то «в словарях советского периода при сохранении общего смысла подчеркивается консерватизм направления и патриархальность идеалов сторонников славянофильства. Кроме того, понятие получает негативную идеологическую оценку (см., например, в *Толковом словаре* под ред. Д. Н. Ушакова: (книжн., истор.). 1. ‘Приверженец славянофильства; *противоп.* Западник’. *Славянофильство*: (книжн., истор.). ‘Националистическое течение русской общественной мысли середины 19 века, выражавшее интересы крепостнического дворянства и утверждавшее, в противовес западничеству, что Россия самобытна в своем историческом развитии и что патриархальная славянская культура должна прийти на смену культуре Запада с его капиталистическими отношениями и классовой борьбой»» [Чапаева 2015: 222].

В конце XX в. изменившаяся социально-историческая и политическая ситуация в нашей стране, вызвавшая переоценку многих идеологических и исторических установок, устойчивых представлений, привела к

тому, что и оценка понятий *славянофил* и *славянофильство*, можно сказать, смягчилась и стала коннотативно более нейтральной, сохраняя историческую привязанность к эпохе середины XIX в. Но в бытовом значении слова *славянофил* на первом месте оказывается одна из присущих ему сем: приверженность традиции, репрезентирующей истину, правильность поведения; а традиция — это прошлое, старинное и потому верное. Вторая сема — приверженность своему, родному, национальному, которое априори не может быть плохим. То есть социально-политический, идеологический и даже исторический смысл понятия размывается, остается лишь поверхностное, унаследованное от толкования в словарях советского времени. Тем не менее «привязанность» понятий *славянофил* и *западник* к интеллигенции сохраняется. В. И. Карасик, описывая лингвокультурный типаж «русский интеллигент», приводит рассуждения одного из пользователей интернет-сайта «Полемика и дискуссии»: «По совершенно естественным причинам, по своему генезису („классовый“ признак интеллигенции — высшее образование — приобщение к западной культуре) интеллигенция тяготеет к Западу, который для интеллигенции является обобщенной *alma mater*, эталоном, образцом для подражания. <...> факт инаковости России, по сравнению с Западом, воспринимается как Недостаток России, который нужно исправить <...>. Но это только часть интеллигенции (хоть и большая часть) — „западники“. Есть и другая часть — „славянофилы“. Это тоже западники, только с приставкой „анти-“. В чертах сходства России с Западом они видят зло, а автохтонные черты (отсутствующие на Западе) выпячивают как „национальное достояние“ (какими бы ничтожными и случайными они не были). Понятно, что эта категория интеллигенции всегда будет в меньшинстве, в оппозиции к западникам» [Карасик 2009: 214].

ВЫВОДЫ

Очевидно, что отношение к интеллигенции, как и к ее отдельным группам, в России всегда оказывается эмоционально маркированным, о чем свидетельствует и трансформация значений у лексем *интеллигенция*, *западник*, *славянофил* от нейтрального или положительного к негативному и пренебрежительному. Впрочем, стоит заметить, что слово *славянофил* первоначально возникает как кличка с ироничной оценкой (что не относится к слову *западник*), сторонники взглядов, получивших название славянофильских, противились этому именованию. Так что

у лексемы *славянофил* семантическая история сложнее, чем у лексемы *западник*.

В современном обществе оппозиция славянофильских и западнических взглядов сохраняется, отражая исторический дуализм русской культуры, проявлявшийся на всех исторических этапах ее развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверинцев, С. С. Попытки объясниться: беседы о культуре / С. С. Аверинцев. — Москва : Правда, 1988. — 46 с. — Текст : непосредственный.
2. Аксаков, К. С. Эстетика и литературная критика / К. С. Аксаков ; сост. и коммент. В. А. Кошелева. — Москва : Искусство, 1995. — 526 с. — Текст : непосредственный.
3. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. — Т. II : Теория и методология. Словарь. — 600 с. — Текст : непосредственный.
4. БТС = Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2002. — 1536 с. — Текст : непосредственный.
5. Буслаев, Ф. И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Ф. И. Буслаев ; сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. — Москва : Русская книга, 2003. — 608 с. (Русские мемуары. Москва и москвичи). — Текст : непосредственный.
6. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов ; Российская академия наук. Отделение литературы и языка ; отв. ред. чл.-корр. РАН Н. Ю. Шведова. — Москва : Толк, 1994. — 1138 с. — Текст : непосредственный.
7. Кавелин, К. Д. Авдотья Петровна Елагина / К. Д. Кавелин. — Текст : непосредственный // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). — Москва : Изд-во МГУ, 1989. — С. 135—147.
8. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2009. — 406 с. — Текст : непосредственный.
9. Кошелев, А. И. Мои записки / А. И. Кошелев. — Текст : непосредственный // Русское общество 40—50-х годов XIX в.: в 2 частях. — Москва : [б. и.], 1991. — Ч. 1 : Записки А. И. Кошелева. — 237 с.
10. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.06.2022). — Текст : электронный.
11. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 824 с. — Текст : непосредственный.
12. Чапаева, Л. Г. Западник: словарные значения и узус в диахроническом аспекте / Л. Г. Чапаева. — Текст : непосредственный // *Studia Russica XXVI* «Русская лексика: история и современность» : материалы конференции. — Будапешт : [б. и.], 2018. — С. 479—485.
13. Чапаева, Л. Г. Антонимические прагмемы славянофильско-западнического дискурса / Л. Г. Чапаева. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2014. — № 3 (49). — С. 77—83.
14. Чапаева, Л. Г. Лингвоидеологема славянофил: словарная эволюция понятия / Л. Г. Чапаева. — Текст : непосредственный // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры* : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т. — Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2015. — Т. 5. — С. 220—224.

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. (1988). *Popytki ob'yasniti'sya: besedy o kul'ture* [Attempts to explain themselves: conversations about culture]. Moscow: Pravda, 46 p. (In Russ.)
2. Aksakov, K. S. (1995). *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism] (Comp. V. A. Koshelev). Moscow: Iskustvo, 526 p. (In Russ.)
3. Akhiezer, A. S. (1998). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia)] (Vol. 2. Teoriya i metodologiya. Slovar'). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 600 p. (In Russ.)

4. Kuznetsov, S. A. (Ed.) (2002). *BTS = Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint, 1536 p. (In Russ.)
5. Buslaev, F. I. (2003). *Moi dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya* [My leisure time. Memories. Articles. Reflections] (Comp. T. F. Prokopov). [Ser.: Russkie memuary. Moskva i moskvichi]. Moscow: Russkaya kniga, 608 p. (In Russ.)
6. Vinogradov, V. V. (1994). *Istoriya slov* [History of words] (Resp. ed. N. Yu. Shvedova). Moscow: Tolk, 1138 p. (In Russ.)
7. Kavelin, K. D. (1989). Avdot'ya Petrovna Elagina. In *Russkoe obshchestvo 30-kh godov XIX v. Lyudi i idei: (Memuary sovremennikov)* (pp. 135—147). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. (2009). *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnozis, 406 p. (In Russ.)
9. Koshelev, A. I. (1991). *Moi zapiski* [My notes]. In *Russkoe obshchestvo 40—50-kh godov XIX v.: v 2 chastyakh* (Part 1. Zapiski A. I. Kosheleva). Moscow, 237 p. (In Russ.)
10. NKRYa = Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language] (n.d.). Retrieved June 20, 2022, from <http://www.ruscorpora.ru/> (In Russ.)
11. Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 824 p. (In Russ.)
12. Chapaeva, L. G. (2018). Zapadnik: slovarnye znacheniya i uzus v diakhronicheskom aspekte [Zapadnik: dictionary meanings and usage in the diachronic aspect]. In *Studia Russica XXVI «Russkaya leksika: istoriya i sovremennost'»* (Materials of the conference, pp. 479—485). Budapesht. (In Russ.)
13. Chapaeva, L. G. (2014). Antonimicheskie pragmemy slavyanofil'sko-zapadnicheskogo diskursa [Antonymic pragmemes of the Slavophile-Western discourse]. *Political Linguistics*, 3(49), 77—83. (In Russ.)
14. Chapaeva, L. G. (2015). Lingvoideologema slavyanofil: slovarnaya evolyutsiya ponyatiya [Lingvoideologeme Slavophiles: Dictionary Evolution of the Concept]. In *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* (Materials of XIII Congress of MAPRYaL, Vol. 5, pp. 220—224). Saint Petersburg : MAPRYaL. (In Russ.)